

Иван КОСТИН
г. Петрозаводск

«СУДЬБА МНЕ ДАРИЛА
И МУКИ, И РАДОСТИ...»

На заочном отделении Литературного института, наверно, каждому второму уже пришлось поработать в редакциях газет. У большинства студентов существовало мнение, что газета портит писателя, а уж поэта тем более, и чем быстрее с ней расстанешься, тем лучше. Это справедливо, но лишь отчасти. Далеко не каждый студент Литинститута становится писателем, и виной тому не газета. Она, со своими командировками, изучением разных сторон жизни и человеческих судеб, способствует более глубокому познанию жизни и, скорее, помогает стать писателем. Но верно и другое: нельзя в газете слишком долго засиживаться. Если полностью отдаться газетной работе, сил на личное творчество уже почти не остается. Мне это пришлось испытать на себе.

В июле 1967 года я был принят в газету «Прионежье» на должность корреспондента, впрочем, со скорым утверждением заведующим промышленным отделом.

Прионежье мне понравилось не только звучанием речи, схожим с родным заонежским, его села и деревни тоже напоминали родные места. Но различие в экономическом укладе сказывалось и на быте, и на

культуре. В те годы Прионежье было на пике своего развития. Работали три леспромхоза, причем Петрозаводский леспромхоз имел два крупных лесопункта в Заонежье: в Ламбасручье и Тамбицах. Я еще застал узкоколейки и часто пользовался ими в командировках, когда приезжал к лесорубам Пая и Ладвы.

Вопросами культуры ведал в газете мой коллега, и не только по работе, но и по поэтическому цеху, Рейе Такала. Когда я пришел в «Прионежье», он в этой газете уже отработал лет пять и район, а точнее культуру района, знал хорошо. Остальные стороны жизни если его интересовали, то мало. Распределение сфер нашего влияния было во многом условно, как и в министерстве у меня с Валентином Колчиным. Если я приезжал в лесные поселки и видел, что клуб или Дом культуры проводит что-нибудь интересное и не в отрыве от забот предприятия, жизни жителей поселка, я писал и об этом.

Однажды, листая подшивку своей газеты, чтобы посмотреть, какими делами и заботами жил район хо-

Окончание. Начало см. в № 9-10, 2012 г.

тя бы за полгода до моего прихода, заметил на странице субботного номера небольшое стихотворение, начинавшееся строками:

*Любимый, видишь, зорьки полоса.
Готовь же лодку, устали не зная.
Куда ты хочешь плыть? Навстречу маю.
Каким ветрам подставишь паруса?*

Самые будничные слова. Но вдруг от них пахло свежестью леса и озерной глади и романтической устремленностью в завтрашний день. Посмотрел на фамилию автора: Светлана Ефремова.

– Кто такая? – спросил редактора Прасковью Рогаткину.

– Это наш автор. Пишет, к сожалению, редко. А уж когда придет какой материал, это для газеты праздник.

– Кто же она по профессии и где живет?

– Она лесничий. Живет в Машезере. Лесничество так и называется Машезерское. Сама я там побывать не удосужилась, но говорят, что места там очень красивые. Рядом озеро Лососинное.

При первой возможности отправился в Машезеро. Всего-то двадцать пять километров. Как и предполагал, дома Светланы не оказалось. Пошел знакомиться с жителями деревни. В те годы дачных строений возле села еще не было и все жители считались коренными машезерцами. Село маленькое – заботы у людей большие. Дорога давно не ремонтируется. Магазин работает с переборами, клуб постоянно на замке. Я ходил по селу, интересовался его историей. Хотел побеседовать с самым старым человеком, бывшим колхозным счетоводом, но восьмидесятишестилетний старик болел, и я не решился его тревожить. А тем временем солнце уже начинало поворачивать на вечер, и одна из моих собеседниц сообщила:

– А вот Светлана Афанасьевна едет на лодке с того берега.

Минут через пятнадцать ее легкая моторная лодка причалила к берегу. Позже я выяснил, что на Машезере пользоваться моторными лодками разрешено только лесной охране. Хозяйка лесных владений не спеша поставила лодку на место и по тропинке, с ружьем за спиной и неразлучной лайкой на ремешке, стала подниматься к своему дому, невысокому строению, похожему скорее на дачу, чем на крестьянское подворье. Я стоял у калитки, и лайка меня встретила неприветливым лаем. Но ей достаточно было осуждающего взгляда своей хозяйки, чтобы изменить к гостю отношение. Ефремова не удивилась появлению незнакомого человека. Я вежливо поздоровался, представился по всей форме и выразил желание с ней побеседовать.

Первые мои вопросы – о делах и заботах лесничества, ради чего я и появился. Ожидал встретить суровую пожилую женщину, резкую в суждениях и манерах, исходившую сотни километров лесных дорог, для которой сам леший – родное существо. Передо мной же оказалась хрупкая, невысокого роста женщина лет двадцати семи. И она поведала мне о своих заботах и трудностях, не скрывая и конфликтных ситуаций, возникающих с начальством. Если лесничий честно относиться к своему делу, они неизбежны. Попросила не все публиковать, о чем она рассказала. Да я и сам начинал понимать, что с печатным словом следует быть весьма осторожным. Иногда, желая человеку добра, можно его поставить в незавидное положение. И когда производственная тема себя исчерпала, я попросил:

– Светлана Афанасьевна, теперь почитайте мне свои стихи.

Она охотно согласилась. Начала с главного, со своей работы:

*Мое Величество лесничество
По пояс в кипенных снегах,
Где, словно стражи пограничные,
Столбы квартальные в углах.
...Где ново все и вечно молодо –
Одно сменяется другим,
И шишек плавленное золото
Течет по елям вековым.*

Первые же строки меня заворожили предметностью образов. И как хорошо она чувствует, думал я, нашу северную природу, не зря же ходила сотни лесных километров:

*Свет белых северных ночей
Впитают талые березы...*

Я не уставал удивляться упругости ее строк, щедрости красок:

*Исходит небо журавлиным криком,
Рябина догорает на ветру,
И бровью косачиною брусника
Алеет в засыпающем бору.*

Кроме того, стихи пронизаны личностными мотивами, образуя удивительный сплав лирики и повседневных лесных тягот. И как трогательно пронзительны ее строки, обращенные к любимому человеку:

*Найдем тот столб у речки Ольгино,
Где на сушине пили чай,
И ночь июньская недолгая
Растает, как моя печаль.*

Стихи Светлана Ефремова начала писать в Полюцком техникуме, но никому их не показывала. Потом уже, когда училась в Ленинградской лесотехнической академии, которую не смогла окончить по сложившимся обстоятельствам, кое-что показывала подругам по учебе. Она мне прочла и несколько первых стихотворений, и, как ни странно, они тоже были хороши. Редкий случай в поэзии, когда у человека нет не только затяжного ученического периода, но и сразу намечается свой почерк, проявляется голос.

Я попросил ее переписать для меня десяток стихотворений и прислать в редакцию. Не сразу, однако, после нескольких напоминаний, я их получил и в столе держать не стал. Три стихотворения отправил в ленинградский журнал «Звезда». И не очень был удивлен, когда через полгода они были там напечатаны. Подготовил подборку для газеты «Лесная промышленность» и написал к ней обстоятельное предисловие. И этот материал был опубликован. А вскоре хорошую ее подборку дал журнал «Север». Я уж не говорю о том, что ни одна литературная страница в «Прионежье» не обходилась без ее строк. С первых же литературных гонораров Светлана приобрела пишущую машинку.

Читатель ее стихи любил. Когда в типографии имени Анохина печаталась наша газета, страница с набором ее стихов начинала гулять по цеху. Я решил, что пора ей издать книжку. Но нужно было знать ее своеобразное отношение к своим стихам. Ей было как будто безразлично, печатают ее или нет. Однажды она сказала:

– Пока стихи со мной, им хорошо. А когда они напечатаны, о них люди могут сказать все что им угодно.

Но небольшую рукопись все же составила. Я отнес рукопись в Союз писателей со словами похвалы, хотя стихи в том и не нуждались. И они попали в руки человека, который тогда по должности «заботился» о росте молодых писателей. И тот наставник, вместо того чтобы нести рукопись в издательство и настоять на быстрейшем издании, включил ее в общую поэтическую «кассету» из пяти молодых авторов. Тут у него, конечно, был свой расчет. Авторы этого коллективного издания были слабые, а рукопись Ефремовой, как паровоз, тянула их за собой. Но и в этой «кассете» ее книжка «Просека» не затерялась. Читатель сразу оценил появление свежего таланта. За счет «Просеки» издание разошлось в считанные дни.

Через два или три года вышла, наконец, ее отдельная книжка «Хвойная радуга». И в эти годы без голоса Светланы Ефремовой поэтическое полотно Карелии уже было трудно представить.

Однажды в середине семидесятых годов в Карелию приехал заведующий отделом поэзии газеты «Литера-

турная Россия» Александр Бобров. Мы с ним сразу подружились и дружим до сих пор. Он попросил меня:

– Найди молодого поэта, чтобы я мог о нем написать как о человеке интересной профессии, когда она помогает творчеству.

Замечу, что понятие «молодой» в литературе не всегда соответствует возрасту пишущего.

– Уже найден, поехали.

И вот мы с Александром в Машезере. Он был очарован и природой этого уголка, и стихами героини будущего очерка.

– Конечно, стихи заслуживают публикации в нашей газете. Но очередь на публикации рассчитана уже больше чем на год. А мой очерк пройдет в течение двух месяцев. В нем я процитирую несколько отрывков из ее стихотворений, и это будет хорошим представлением ее читающей литературной России.

Александр Бобров поделился своим «открытием» с коллегами из журнала «Огонек». Те появились зимой. И опять же сопровождать их пришлось мне. Был легкий февральский морозец. Ярко светило солнце, расцвечивая разноцветными искрами серебристые от снега верхушки елей. Светлана не обманула ожидания гостей. Вывела на озеро легкие аэросани, и каждый из гостей имел удовольствие со свистом ветра в ушах промчаться по снежной скатерти Машезера.

Журнал щедро отвел для рассказа о ней целый разворот со снимками. Вот она с ружьем за спиной и верной лайкой возвращается из леса. А вот она едет на аэросанях собирать сосновые шишки. А вот и дома сидит за пишущей машинкой.

Кроме того, время от времени в Машезеро наведывались представители местной прессы. Саму Светлану это не очень волновало. О работе, о своих лесах она рассказывала с увлечением. О поэзии старалась не говорить. Пусть стихи сами говорят за себя.

В конце восьмидесятых я работал заведующим отделом поэзии журнала «Север». И не было года, пока я работал, чтобы подборка ее стихов в журнале не появлялась. Впрочем, и в последние годы ее тоже печатали. Потом она замолчала и надолго исчезла с нашего поэтического горизонта. Ранняя смерть мужа, потом матери, которая у нее жила, приехав из Кировской области, а потом еще один удар – трагическая гибель сына, выбили ее из привычного состояния, и она не могла писать. Впрочем, если что-то и писала, ни строки не публиковала. Но время лечит все, даже самые тяжелые раны. Потихоньку оправилась, взялась за перо, а когда вышла на пенсию, муза-утешительница стала навещать и ее городскую квартиру. Хотя летом большей частью живет в воспетом ею Машезере. Гото-

вит избранное, да вот издаваться теперь неимоверно трудно. Но верится, что ее стихи найдут свой путь к читателю.

В начале зимы 1970 года группа карельских писателей выехала для проведения Дней литературы в Ленинграде и Москве. В состав групп были включены мы с Рейё Такала. Напутствуя меня, новый редактор газеты Александр Назаров просил по возможности встретиться с Сергеем Михалковым и попросить его содействовать в получении нашей редакцией легкой автомашины. По разнарядке Комитета по печати Госснаб должен нас обеспечить транспортом, но документы где-то застряли.

И вот мы в здании Ленинградского отделения Союза писателей в бывшем Шереметьевском дворце. Со многими ленинградскими писателями мы знакомы по их приездам в Петрозаводск, с другими знакомимся на встрече. Ко мне подводят невысокого роста старичка с клюшкой:

– Ваш земляк, сказитель Рябинин Михаил Кирикович.

– Очень рад, Михаил Кирикович. Знаю ваши былины и что в шестидесятые годы вы переехали в Ленинград. Как вам здесь живется?

– Живется, земляк, неплохо. Меня тут уважают. Да только временами становится тоскливо по Заонежью и Петрозаводску. У меня ведь там две дочери и сын.

Вскоре после возвращения домой я написал стихотворение «Последний сказитель», посвященное Михаилу Рябинину. В нем есть такие строки:

*... Нередко сказителя мысли
Домой в Заонежье летят,
Где озеро, как скатеретка,
Из снежного серебра.
В родимой деревне Середка
Давно ни кола ни двора.
Напишет: «Сторонка родная,
Прими мой привет и поклон».
И слышит он в трелях трамвая
Родимых бубенчиков звон.
Великого города житель,
Особенных полон забот,
Земляк мой, последний сказитель,
По Невскому тихо идет.*

Спустя некоторое время, когда я уже работал над повестью «Острова сокровищ» о династии сказителей Рябининых-Андреевых, которая вышла в 1991 году в издательстве «Советская Россия», я познакомился с дочерьми Михаила Кириковича. Они свято хранят память об отце, его письма, документы, фотографии и рукописи былин. Старшая – Анна Михайловна – хоро-

шо помнит еще довоенное время. Когда дважды Герой Советского Союза, знаменитый в те годы полярник, Иван Папанин приехал в 1938 году на встречу со своими избирателями в Петрозаводск, то навестил семью сказителя. Как вспоминает Анна Михайловна, принес детям много разных гостинцев, а отцу подарил именные часы. Незадолго до этого наш отец написал былинку «Иван Папанин», и она была напечатана во многих изданиях. Младшая дочь – Роза Михайловна – любезно ознакомила меня с некоторыми документами, фотографиями той довоенной поры. Сын сказителя Алексей Михайлович – участник Великой Отечественной войны. Имеет немало правительственных наград. Скромный, добродушный человек. Каждая встреча с ним приносит душевное удовлетворение.

Повесть «Острова сокровищ» я посвятил династии четырех поколений сказителей Рябининых-Андреевых. Основателем сказительского рода является Трофим Рябинин. Восприемником его дара оказался Иван, один из трех его сыновей. Родина их – деревня Середка, что напротив Кижей. Но Иван Трофимович в силу семейных обстоятельств переехал в соседнее село Гарницы и женился там на вдове крестьянина Андреева, у которой подрастал четырнадцатилетний сын Иван. Отчим полюбил его как родного и всюду брал с собой: на рыбную ловлю, в поле, в лес и пел при мальчике свои былины. И так получилось, сказительский дар отца перенял именно он, а не два его родных сына, которые были старше Ивана.

В свою очередь через годы у Ивана Герасимовича появились свои дети. И сын Петр перенял от отца весь его репертуар и стал сказителем уже в советское время, как и Михаил Кирикович, в 1939 году он был принят в члены Союза писателей и награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Дочь Петра Ивановича Анастасия Титова живет в Петрозаводске, принимает участие, как и упоминаемые мной дети Михаила Кириковича, в работе общественной организации «Зори Заонежья». В этой книге я не говорю о сказительской деятельности Михаила Кириковича, упоминаю лишь мимоходом. Он представляет иную ветвь Рябининых. Его дед был двоюродным братом Ивана Трофимовича. Но важно, что все они вышли из одного рябининского корня и были талантливыми представителями целой плеяды заонежских сказителей.

И было еще одно приятное знакомство. В день приезда я подарил ленинградскому поэту Брониславу Кежуну свой сборник со стихотворением «Великая Нива». На следующий день он принес газету «Красноармейский удар», издававшуюся одной из дивизий Северо-Западного фронта, в которой молодой поэт капитан Кежун работал литературным сотрудником. В этом номере было опубликовано

его стихотворение «Федор Качанов», и оно было посвящено снайперу Федору Качанову из заонежской деревни Высокая Нива. Кежун решил, что я назвал свою Ниву Великой, чтобы опозитизировать ее. Но я пояснил, что в Заонежье есть и Великая Нива и что деревни Высокая Нива уже не существует. И тем не менее пообещал поэту все разузнать о жизни его героя, который уже на момент публикации стихотворения уничтожил около сотни гитлеровцев и был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Вернувшись в Петрозаводск, я навел справки, и оказалось, что в Заонежском леспромхозе работают два Федора Качановых, и оба из деревни Высокая Нива. Ровесники, фронтовики и оба награждены за свои подвиги равнозначно. Другой Федор воевал связистом на Ленинградском фронте. Обо всем этом позже я Кежуну рассказал и написал очерк «Два Федора». Но это уже другая история.

Мое пребывание в Ленинграде было насыщенным встречами и впечатлениями. Тогда познакомился я с Владимиром Ивановичем Малышевым, знаменитым палеографом, страстным и неутомимым собирателем древних рукописей, основателем Древлехранилища Пушкинского дома. Он был лучшим знатоком жизни и творчества протопопа Аввакума. Пушкинский дом любезно открыл перед писателями двери Древлехранилища, и сам Малышев рассказывал нам о своих сокровищах, размещенных за стальными дверцами шкафов-сейфов. Мы осмотрели выставку последних находок, среди которых был и знаменитый список «Жития протопопа Аввакума», причем подлинный список с рисунками самого Аввакума. Ученые-филологи и собиратели знали, что такой список существует. Искали его многие. Но посчастливилось найти знаменитому собирателю-старообрядцу Ивану Заволоке в московской старообрядческой среде. Причем рукопись была замаскирована под другую обложку, и на нее даже опытный собиратель мог бы и не обратить внимания. Весьма примечательно, что и сами хозяева не знали, что хранится в их доме. Только чутье и опытный глаз Ивана Никифоровича помогли, когда он перелистнул несколько страниц из старопечатной книги и уловил, что пошел другой текст, похожий на «житие».

– Меня даже в жар бросило, – вспоминал Иван Никифорович. – А когда я увидел карикатурные рисунки на патриарха Никона, сделанные рукой самого Аввакума в том самом срубе, где их сожгли с иноком Епифанием, у меня исчезло всякое сомнение в подлинности этой находки.

Рукопись хозяева отдали Заволоке, а он – безвозмездно передал Древлехранилищу Пушкинского дома.

В тот день при осмотре выставки редких рукописей и свитков я между разговорами проговорился,

что храню дома несколько рукописных и старопечатных книг, найденных мною у родственников и знакомых в Заонежье. Владимир Малышев в тот день уже от меня не отходил. И мы подружились с ним настолько, что иного приюта в Ленинграде, как на квартире Владимира Ивановича, я не искал. В свой последующий приезд я привез ему для Древлехранилища крестьянский апокриф восемнадцатого века. По словам ученого, это была ценная рукопись, и она, как впоследствии и некоторые другие, нашла свое место в большом шкафу, где в полном объеме было сосредоточено наше Карельское собрание, насчитывающее более тысячи рукописей и свитков. Большую часть Карельского собрания составляет Выговская литература восемнадцатого века.

Тогда же на квартире у Владимира Ивановича я познакомился и с легендарным Заволоке. Они с хозяином квартиры занимались составлением старообрядческого календаря. Иван Никифорович был настолько интересной фигурой, что мимо его биографии, собирательских и научных поисков не могли пройти многие историки, журналисты и писатели. Спустя некоторое время я побывал у него в Риге на улице Межотнес, но не с рукописями, а с изделиями медного литья. Я привез солидную коллекцию, и мы с ним в течение дня занимались установлением дат и мест изготовления. Это были распятия всевозможных размеров, иконы, ладанки и т. д. Он мне очень помог придать коллекции более стройный законченный вид. В конечном счете я уступил ее музею «Кижы».

С тех пор у меня вышло несколько сборников о народной культуре, и в сборе материалов для этой работы мне помог Пушкинский дом, в частности – его Древлехранилище. В нем и сегодня успешно работают талантливые ученики Владимира Ивановича, сами уже крупные специалисты своего дела, Владимир Будорагин и Глеб Маркелов.

В городе на Неве карельские писатели встретились с читателями, а затем выехали в Москву. Нас разместили в гостинице «Москва». Я оказался в просторном номере с тогда еще юным поэтом Юрием Линником. В нашем номере стоял рояль, но, к сожалению, ни он, ни я играть ни на одном инструменте не умели. Вечером пошли прогуляться по Тверскому бульвару и заглянули в тихий дворик Литературного института. Несмотря на разницу в возрасте, мы даже одно время учились в Литературном институте вместе и жили в одной комнате. Он был на первом курсе, я – на четвертом. Затем он перевелся в Московский областной педагогический институт.

В один из вечеров сцена большого зала Центрального дома литераторов была отдана нашим писателям. Зал был полон, нас слушали внимательно, а отдельные выступления вызывали у слушателей замет-

ное оживление. Я волновался, когда же дадут мне слово. И... не дали. Я философски рассудил, что на меня не хватило времени, и успокоился. Но когда оказались за сценой, кто-то спохватился:

– А почему Иван Костин не выступал?

Ведущий случайно пропустил мою фамилию. Решили огорчительную ошибку исправить и дать мне слово в антракте перед выступлением наших артистов. Я оживился, перед выходом снял пиджак, оставшись в вышитой рубашке. Видимо, зал решил, что это своеобразная задумка, и встретил меня дружными аплодисментами. Первым я прочел стихотворение, где были такие строки:

*Пересилю все сомнения и страхи.
У московского народа на виду
В заонежской ярко вышитой рубашке
По бульвару по Тверскому я пройду.*

Когда кончил читать, услышал такие аплодисменты, каких не выпадало на долю моих коллег. Вот так этот сценический казус пошел мне на пользу.

По завершении декады для нашей делегации был дан прощальный ужин. За накрытыми столами разместились стоя. И я совершенно случайно оказался рядом с Сергеем Михалковым. Еще до провозглашения первого тоста мы обменялись с ним взглядами. Едва ли он помнил меня по приезду в Петрозаводск. Но человек не гордый, я сам напомнил ему. Он сделал вид, что все отлично помнит. И тогда я ему рассказал о встрече с его братом Михаилом и добавил:

– Ваш брат такой замечательный собеседник и такой простой человек.

На что Михалков ответил:

– Я в-ведь тоже п-простой человек.

– Тогда помогите нам, – взял я быка за рога и изложил ему просьбу моего редактора. Сергей Владимирович сказал:

– Хорошо, напишите письмо на мое имя, как на депутата, и я попробую помочь, – и мы чокнулись.

Приехав домой, я рассказал редактору о нашей беседе с Михалковым, мы тут же сочинили письмо. Прошло месяца три, и мы получили для редакции машину «Москвич».

Работая в «Прионежье», я совершил еще одну интереснейшую поездку за пределы Карелии – в Пушкинские Горы. Это произошло в феврале 1971 года. Фанатически преданный пушкинской теме карельский поэт Борис Шмидт много раз бывал там, водил дружбу с главным хранителем музея в Михайловском Семеном Гейченко. Он пригласил меня в поездку, я отказать не мог.

Доехали до Острова, что в Псковской области.

Было снежно и холодно. Борис Андреевич позвонил Гейченко, и за нами прислали служебную машину. По мере приближения к месту волнение мое увеличивалось. Прибыли в Пушкинские Горы и разместились в гостинице. С утра пораньше – мы уже в Михайловском. По случаю холодной погоды и некруглой даты со дня гибели поэта народу было, к счастью, немного, чему особенно радовался Шмидт. Во-первых, ничто не отвлекало от раздумий на святой пушкинской земле, во-вторых, сам Семен Степанович мог уделить нам больше времени. Так оно и вышло. Знаменитый хранитель был рад нашему приезду неподдельно. Мы позавтракали у него, а потом и пообедали. Он жил в своем небольшом доме вдвоем с женой-грузинкой, она выказывала нам всячески гостеприимство. Обед был вкусным и сытным, чувствовалось влияние грузинской кухни.

Сама квартира Гейченко была словно филиалом музея. Внимание привлекала чугунная люстра работы псковских мастеров, сплошь увешанная большими амбарными, складскими и сундучными ключами. На полках в несчетном количестве стояли колокольчики всевозможных размеров и возрастов. Была также коллекция самоваров. И я, глядя на все это богатство, загорелся желанием тоже собрать что можно у себя в Заонежье и после этого не один десяток лет занимался, точнее увлекался, собирательством.

После завтрака Семен Степанович повел нас в главное здание, где жил и творил поэт. Это уже другое здание, точная копия сгоревшего во время войны, когда в Михайловском хозяйничали фашисты. Но, как ни странно, не оставляло ощущение, что вот скрипнет половица в сенях, появится сам хозяин и озарит нас своей белозубой приветливой улыбкой.

В полдень в Пушкиногорье началась гражданская панихида с участием представителей районных властей и немногочисленных гостей. От Карелии кто-то из нас тоже должен был выступить. Но почему-то панически боявшийся публичных выступлений Борис Шмидт взвалил эту долю на меня. Представляя меня, Семен Степанович сказал:

– Сейчас перед нами со своим словом о Пушкине выступит поэт из Карелии, член Союза писателей Иван Костин.

Я поправил Гейченко:

– Семен Степанович, я пока еще не член Союза писателей.

– Волей покойного поэта я тебя на его могиле принимаю в Союз писателей, – ответил Гейченко.

Воодушевленный таким доверием, я начал свою короткую речь: «Пушкину в Карелии побывать не довелось, но он хорошо представлял наш край, его природу и обычаи карельского народа по поэме «Карелия» Федора Глинки, который отбывал свою ссылку в Пет-

розаводске. Пушкин высоко ценил это произведение и сделал подробный его разбор...»

Выступление, кажется, получилось. Через год я был принят в члены Союза писателей. Но до сих пор иногда задумываюсь, какой из этих приемов был для меня важнее: тот в Михайловском или на общем собрании писателей в Петрозаводске?

Я был благодарен Борису Шмидту за приглашение в поездку. Каким он был поэтом? Профессионалом. Сразу после демобилизации из рядов Вооруженных сил в звании старшего лейтенанта он приехал в Карелию в творческую командировку из родного Ленинграда. И решил остаться здесь навсегда. За всю свою творческую деятельность, а она у него продолжалась до семидесяти пяти лет, он не занимал никаких должностей даже в Союзе писателей, если не считать, что перед выходом на пенсию несколько лет работал штатным литературным консультантом, а фактически был им всю жизнь, охотно читая рукописи молодых авторов. Я не литераторовед и не хочу оценивать степень его поэтического таланта. Но тружеником пера он был отменным. С утра садился за стол и начинал работать. Писал он по вдохновению или делал стихи? Но ведь и Маяковский даже статью написал на эту тему «Как делать стихи». Помню, Борис Шмидт любил повторять: «К ленивым вдохновение не ходит». И он был прав.

Временами выпивал, когда сидение за письменным столом осточертевало. Он выпивал ярко, заметно, и это замечалось. Другие пили молча, втихую, и про них никто об этом не говорил. И то, справедливости ради, следует сказать, что лет в пятьдесят он прекратил принимать этот искусственный допинг. Я помню, когда Гейченко за обеденным столом предложил почтить память Пушкина, Борис Андреевич твердо заявил: «У меня эта машина остановлена». Пришлось ради солидарности с Семеном Степановичем и его супругой поднять мне свою стопку.

В производстве был уже третий сборник моих стихов «У Онега среди перелесниц». Я продолжал работать в газете. Ездил по району, писал очерки и заметки. Был избран председателем районного общества охраны памятников истории и культуры, понимал всю ответственность и старался многое делать. Познакомился в Шелтозере с будущим основателем и главным хранителем вепсского этнографического музея Рюриком Лониным. Нашел его в темном углу какой-то жалкой сараюшки, склонившимся над своими первыми экспонатами.

Я почувствовал в нем большого энтузиаста – собирателя, душевно болеющего за свою народную вепскую культуру. Решил помочь. Поначалу пошел

в местный Совет. Там посочувствовали, повздыхали и пообещали подумать. А надо было не думать, а действовать. Пошел к директору средней школы. Он выслушал меня с пониманием и обещал подумать (опять подумать!) о выделении комнаты при школе. Я написал статью, призвал местные власти поддерживать ценное начинание Рюрика Лониного, пекущегося о судьбе родной вепсской культуры. Помещение в школе было выделено. Теперь просторный двухэтажный дом Мелькина со всеми его хозяйственными пристройками едва вмещает огромное количество экспонатов и стендов, а тогда и одна просторная комната была благом. Идея о доме Мелькина как возможном объекте будущего народного музея возникла у меня на одном из совещаний по вопросам строительства и ремонтных работ. Было в те годы в Ладве довольно сильное ремонтно-строительное управление. Так вот прозвучала мысль прораба Васькина, что следует отремонтировать дом Мелькина, у которого в настоящее время нет хозяев, и передать его в пользование местной администрации. Это бы решило судьбу размещения в нем почты, того же поселкового совета и других организаций. Я сразу же сообразил, что дом Мелькина прежде всего представляет собой замечательный тип вепсской постройки XVIII века и сам по себе является памятником архитектуры. А в сочетании с музеем он бы логически завершил свой истинный облик.

Пошел к председателю райисполкома Бунову. Он отнесся с пониманием, но сослался на ряд предстоящих трудностей и согласований. Тогда я выступил на районном партактиве в присутствии первого секретаря Давыдова. Не ожидал, что первые лица района ринутся тут же решать музейный вопрос. Но дело было сделано для подготовки общественного мнения. В конце концов вопрос решился положительно, но к тому времени я в «Прионежье» уже не работал. Связь с Рюриком Лониным у меня не прерывалась вплоть до его кончины в 2009 году. Я выступал по его просьбе редактором и литературным обработчиком трех его книжек. Все они связаны темой судьбы и культуры его народа.

Осенью 1971 года в Архангельске состоялся выездной пленум Союза писателей России. И снова для меня – приятный сюрприз. Но о нем чуть позже. На этом пленуме отличился своей нетрезвой выходкой поэт из Вологды Николай Рубцов. Широкому читателю он еще известен не был, но в литературных кругах имел прочную репутацию талантливого лирика. А дело заключалось в том, что на замечание инструктора отдела по литературе ЦК КПСС Жильцовой он обругал ее, назвав Бенкендорфом в юбке. Та, разумеется, возмутилась и потребовала извинений. И когда извинения не

последовали, она пыталась запретить поэту Сергею Орлову упоминать имя Рубцова в своем докладе о поэзии. Орлов этому тоже, как мог, стал противиться, ибо значительное место в его докладе было уделено Рубцову. Кончилось, однако, тем, что Рубцов вынужден был все же перед Жильцовой извиниться.

Меня на этот пленум не взяли, я еще не был членом Союза писателей. Не взяли и пожалели. В своем докладе о поэзии Сергей Орлов из карельских поэтов остановился только на мне и моей книжке «Золотец». Сегодня этот доклад можно посмотреть в третьем томе собрания произведений Сергея Орлова. В нем, докладе, моим стихам посвящено несколько страниц, наряду с Николаем Рубцовым и Ольгой Фокиной. А я писал у себя газетные заметки и об этом ни сном ни духом не ведал. Считал, что вот издам третью книжку и тогда постучусь в дверь Союза. Но когда наши вернулись из Архангельска, мне позвонили из Союза писателей:

– Немедленно приходи и заполняй документы.

К тому же выяснилось, что, помимо похвал в докладе, обо мне хорошо говорили в прениях широко известный поэт Виктор Боков, московский критик Александр Михайлов, поэт из Пскова Игорь Григорьев, даже приславший автору этих строк свой проникновенный отзыв.

Я привожу эти примеры не ради самопохвалы, вот, дескать, какой я удачливый и как легко входил в литературу. Напротив, очень трудно. Начнем с того, что коллеги, выросшие в благополучных условиях, уже годов к двадцати двум имели среднее или высшее образование. Я же в это время лишь получил возможность пойти в седьмой класс вечерней школы. И многие мои петрозаводские коллеги смотрели на меня как на поэта-рабочего, а не как на труженика поэтического цеха. Один из них даже написал в какой-то газетной статье, правда, не называя фамилии, что есть у нас такие поэты, которых на заводе уважают за то, что они пишут стихи, а в литературной среде за то, что работают на заводе. И если бы не эти два выездных пленума – в Петрозаводске и в Архангельске, где меня заметили со стороны, мне было бы куда труднее.

Конечно, после звонка из Союза я приехал и заполнил документы. И был принят единогласно, чего у нас практически не бывает. Но в те годы я еще не имел литературных противников, никому не успел хоть в чем-то перейти дорогу.

В мае 1972 года мы с женой Аллой побывали в Швеции и Дании. В Союз писателей Карелии прислали перечень стран, куда можно было съездить, предварительно заполнив множество различных анкет, которые тщательно проверялись в соответствующих организациях. Затем мы получили приг-

лашение для сбора группы в Москве. Оставив нашу двенадцатилетнюю дочь Лену на попечении близких родственников, мы выехали.

Выезд за границу, даже в страны народной демократии, в те годы был событием. А мы выезжали сразу в две буржуазные страны, одна из которых – Дания – была к тому же членом НАТО. Волнение наше можно было понять. Что мы там увидим, вернее, что нам там покажут, как нас встретят и кто будет в составе нашей группы? Она оказалась немногочисленной, всего двенадцать человек. Это были писатели из Ленинграда и трое нас, петрозаводчан, мы и Михаил Сысойков.

Поездка состояла из двух этапов. Неделя отпускалась на знакомство со Швецией, и столько же дней выделялось на Данию. Номинальным руководителем нашей делегации, точнее туристической группы, был широко известный писатель Федор Абрамов. Знакомство с ним и продолжительные беседы о жизни и литературе, а в последующие годы и продолжительная переписка, оказали заметное влияние на мою работу. Однако негласным руководителем над нами была представительница туристической фирмы и по совместительству сотрудница КГБ некая Лариса. Она строго соблюдала, чтобы мы не выбивались из рамок программы. Старалась выдерживать идеологическую линию. Так, в магазине русской книги в Копенгагене мы увидели пятитомник Александра Солженицына. Непосредственный Михаил Сысойков протянул руку, чтобы глянуть хоть на первый том, но тут же за его спиной раздался зычный окрик Ларисы:

– Михаил Павлович, поставьте книгу на место.

Кстати сказать, в магазине этом мы побывали обманным путем. Уговорили нашего шведского гида, милую женщину, включить этот визит в наш маршрут по городу. Если Лариса об этом заговоре и догадалась, возражать ей было уже поздно. А нам было стыдно перед гидом за ее окрик.

С тех пор прошло много лет. И многое забылось, заштриховалось в памяти. Остались записи, газетные воспоминания, которыми я делился по возвращении. Сегодняшнего россиянина блистательностью европейских столиц не удивить. В моей памяти живут не яркие витрины с изобилием товаров и продуктов, хотя в первый день и это ошеломило после наших пустых полок. Мне запомнились облики городов с их музейными галереями, встречи и беседы с творческой интеллигенцией. Мне подарила свой сборник стихов замечательная поэтесса Анна Смит.

В Литературном центре Стокгольма мы воочию увидели так называемый «волчий оскал капитализма». Писатели вынуждены издаваться за свой счет и лишь в отдельных случаях, когда экономические дела издательства на подъеме, кое-кому удается выпустить свою книжку за счет издательства. Аналогичное поло-

жение мы увидели и в писательской среде Дании.

И в той, и в другой стране мы посетили множество музеев и картинных галерей. Однако особняком стоит осмотр музея под открытым небом близ Стокгольма, представляющий скульптурные работы Миллеса. А в Дании мне особенно запомнилось посещение замка Гамлета. Не помню, какое официальное название носит этот уголок земли в двенадцати километрах от Копенгагена, но для туристов он известен как замок Гамлета. В средние века здесь была летняя резиденция королей. Дворцовые покои поддерживаются постоянной реставрацией. Говорят, Шекспир, посетивший с актерской труппой королевскую резиденцию, проникся преданием о судьбе принца датского и позже написал свою знаменитую трагедию «Гамлет». А я, соприкоснувшись с атмосферой далекого прошлого, вернувшись домой, написал эти строки:

*Доносит ветер гул прибрежный.
Мне эти стены не забыть,
Где долго дух его мятежный
Метался: «Быть или не быть...»
Дворцовый парк теперь запущен.
Пруд блещет мертвою водой,
И опоясан цепью пушек
Старинный вал береговой.
Отвоевалась, отгрозила
Из них любая и молчит,
И эта ядерная сила
Людской покой не возмутит.*

*Тем пушкам лет, поди, по триста,
Стоят угрюмо-тяжелы,
И удивленные туристы
Глядят на ядра и стволы.*

Гуляя по Стокгольму или другим городам Швеции, мы с женой и подумать не могли, что по этим самым местам будет спустя тридцать с лишним лет более уверенными шагами проходить наша внучка Анастасия, потому что приедет в эту страну не туристкой. Окончив наш Петрозаводский университет, исторический факультет со специализацией «История Финляндии и Скандинавских стран», получила несколько грантов для учебы сначала в Дании, затем в Швеции. Поступила в аспирантуру. По Интернету нашла себе работу в центре по работе с подростками в шведском городе Сундсваль на год по договору. Насте представился хороший шанс для совершенствования шведского языка и подготовки статьи по теме будущей диссертации. Когда пишутся эти строки, Настя отработала уже десять месяцев. Часто звонит домой, скучает. Как там ей

ни хорошо в уютном и благополучном шведском городе, она уже с нетерпением ждет срока своего возвращения.

Летом 1973 года начался новый этап в моей жизни, я был приглашен на работу в Союз писателей Карелии литературным консультантом. Согласился без колебаний. Разве не к тому я шел все предыдущие годы, чтобы целиком посвятить себя литературе, своим сочинениям или работе с рукописями других авторов?

Председателем Союза писателей был только что избран Ульяс Викстрем. До этого он работал редактором журнала «Пуналиппу» («Красное знамя»), где печатались мои очерки и стихи. Это был скромный, милейший человек. Ко всем моим начинаниям и инициативам он относился внимательно. На правлениях не раз с похвалой отзывался о моей работе и стараниях оживить литературное движение в районах. С его подачи вскоре я был избран еще и председателем комиссии по работе с молодыми писателями и авторским активом.

Ульяс Викстрем был сыном финского красногвардейца, эмигрировавшего в Россию вместе с семьей. Поначалу семья жила в Ленинградской области, а когда Ульяс Карлович получил образование, он переехал в Петрозаводск. Его литературно-рабочая карьера и писательская судьба складывались удачно. Он успешно руководил журналом, который ознакомил финского читателя с лучшими образцами русской классики, тогдашней русской литературой и литературой братских народов, как тогда было принято говорить. В его творчестве наиболее ярко выступал дар художественного публициста. В его семье выросла дочь Тертту, тоже ставшая писательницей. А теперь вот и ее сын Армас, внук Ульяса Карловича, успешно занимается журналистикой. Его острое любознательное перо успешно поднимает и по-новому осмысливает страницы прошлого и смело вторгается в сегодняшний день.

Работа консультанта Союза писателей, кроме чтения рукописей, заставляла исполнять множество и других обязанностей, не предусмотренных штатным расписанием. Встречи гостей, выступления, поездки – все это вносило разнообразие в работу, которая не могла не нравиться. Это был уже иной уровень встреч и знакомств, иной слой общественных и литературных интересов, и я старался им соответствовать.

Через несколько лет нам предложили отдохнуть в Доме творчества в Пицунде. Это побережье Черного моря в Абхазии. Не раздумывая ни минуты, мы с женой стали собираться в дорогу. Меня эта поездка привлекала еще и тем, что я ни разу не был в Грузии. Абхазия тогда входила в состав этой республики, и, казалось,

все были счастливы. Был теплый, не жаркий август, и огромное здание Дома творчества снизу доверху было набито московскими знаменитостями – от Юлиана Семенова до Александра Чаковского. Почти весь пишущий состав активно отдыхал: купался и загорал, а кто-то работал у себя в номере. У нас, как и у всех семейных пар, был номер на двоих. Я в меру сил работал, когда жена уходила к морю или на прогулки. Время от времени выбегал нырнуть в объятия шелковистой черноморской волны и возвращался в номер. Картина в нашем окне была, увы, не курортная. Окно выходило на отдаленный коровник, но мы с этим смирились.

В одно время с нами отдыхал Антти Тимонен со своей женой Элиной Степановной. Их номер был куда просторнее, с мягкой мебелью и балконом с видом на море. Мы иногда с Айли заходили к ним полюбоваться на заходящее солнце. Тимонен умел слушать. Умел и сам рассказывать, и те или иные случаи из жизни своей и знакомых нередко окрашивал в мягкие тона юмора.

Незабываемая поездка в горы. Озеро Рица – это чудо природы. Дача Сталина. Скромнейшая обстановка. В отличие от последующих вождей, он все писал сам, в том числе и рабочие речи. Нам показали в его рабочем кабинете гвоздь, вбитый в стенку. Он приходил утром, снимал китель, вешал его на этот гвоздь и принимался за работу. Вода в озере была довольно прохладная, и я от купания отказался. Но зато с каким наслаждением после утомительной поездки по извилистым дорогам над головокружильными пропастями все мы бросились к морю, даже те, кто, как моя жена, не умел плавать.

Конечно, побывали в Сухуми, погуляли по городу, осмотрели обезьяний питомник и побывали там на пляже.

Сегодня Абхазия вновь возвращается в лоно русского туризма, и это радует.

Вечером в фойе ко мне подошла библиотекарь Дома творчества. Не представляю до сих пор, почему она обратилась именно ко мне при стечении стольких знаменитостей?

– Иван Алексеевич, прошу вас провести в субботу литературный вечер. Тут столько писателей, и никто не откажется выступить. Ваше дело быть только ведущим.

Я на минуту заколебался. Отказаться – проявить малодушие. И дал согласие. Она сказала:

– Вот и отлично. Я пойду писать объявление, а вы готовьте свою программу.

Легко сказать о программе, а где она?

Среди отдыхающих были поэты из Коми Альберт Ванеев и Николай Володарский. Познакомился с москвичом Геннадием Серебряковым, встречал московского поэта Вадима Сикорского... В общем, решил я, для на-

чала хватит. Рассказал о своем решении проводить вечер Антти Тимонену. Он отозвался одобрительно. Я в свою очередь попросил его сесть на сцене вместе с Элиной Степановной для моральной поддержки.

И вот вечер. Я с испугом глянул в просторный зал, свободных мест не было. «Наверно, пришли на Чаковского смотреть или слушать Юлиана Семенова. И как только я начну говорить, зал опустеет».

Я сказал вступительное слово о том, что приехал сюда из древней земли «Калевалы» и русского былинного эпоса, что рядом со мной сидит известный писатель Антти Тимонен, который несколько раз избирался председателем правления, и что сейчас он пишет большой роман о жизни карельского народа. Антти Николаевичу поаплодировали. Элина Степановна с гордостью посмотрела на своего мужа.

Странно, но никто из зала не вышел. Я предоставил слово Альберту Ванееву. Он рассказал коротко об особенностях природы, которая влияет на характеры людей его северного края. Прочел несколько стихотворений в замечательных переводах Михаила Светлова и Вадима Шефнера. Встретили его доброжелательно, и я понял, что вечер проходит хорошо. Поднял Вадима Сикорского, кого-то еще из москвичей, и решил, что пора открывать «свободный микрофон» для самостоятельных выходов. И тут недостатка в желании блеснуть талантами не было.

Вечер шел полтора часа. После окончания мы пошли в номер к Тимоненным любоваться морским закатом. Обсудили ход вечера и сошлись во мнениях, что он получился. Зная, что я делаю в работе Союза писателей первые шаги, Антти Николаевич сказал, что на правлении он расскажет о моем участии в вечере, что я умею владеть аудиторией и что из меня получится хороший литературный консультант. А на следующий день Тимонен неожиданно заболел, и его положили в городскую больницу. Примерно через две недели мы уезжали домой. Он еще оставался в больнице. Вернулись они с Элиной Степановной дней через десять после нас. Ему еще не было семидесяти, но здоровье стало подводить все чаще.

Загорелый и отдохнувший, я вышел на работу. Через час входит Алексей Титов. Со своими делами и документами Литфонда он занимал смежный с моим кабинет. Я поблагодарил его за путевки и в общих чертах рассказал, как отдыхалось. Он проинформировал меня, сколько денег по его годичной смете можно расходовать на помощь молодым писателям, сколько уже израсходовано и чем мы располагаем. Я поинтересовался, кому была оказана помощь и нельзя ли мне посмотреть этот список как председателю комиссии. Моя просьба Алексею Ивановичу не понравилась. Сказал, что у него по-

линии Литфонда есть свои проверяющие и это его прерогатива выдавать помощь по своему усмотрению с последующим утверждением правления.

Я предложил изменить эту систему. Мы с ним выносим на рассмотрение правления несколько кандидатур для оказания помощи и характеризуем творческую деятельность каждого. А дело правления – решать, кому выдавать деньги, а кому – погодить. Это Алексею Ивановичу не понравилось еще больше. Но и я не мог оставаться равнодушным к этому вопросу, коли меня избрали председателем комиссии по работе с молодыми. Вопрос оставался в подвешенном состоянии. А у меня с Алексеем Ивановичем с тех пор пролегла пока еще незримая полоса взаимного непонимания.

Одаренный от природы, Алексей Иванович, изначально согласившись быть верным сыном партии, не хотел меняться. Содержание его творчества зачастую соответствовало им же написанной формуле: «Если б Ленин увидел все, что сделано нами!»

Но, в общем, это был веселый, жизнерадостный человек. Любил шумные застолья, в которых непременно стремился стать душой общества. Если его долго не хвалили, он сам находил повод похвалить себя. Однажды пришел на работу с новостью: «В магазине подбежала ко мне собачка и стала тереться о мои ноги. Она чувствует доброго и хорошего человека!»

Борис Шмидт и Алексей Титов почти одновременно появились в Карелии в середине сороковых годов прошлого века. Оба ленинградцы, ровесники. Но их схожесть на этом по существу завершается. Шмидт, как я уже говорил, был необыкновенно работоспособным. Он опубликовал около тридцати книжек, в том числе три повести. Его поэмы неплохо отражали лицо нашего края и характеры людей. Но работа такого зрелого и искушенного в литературе человека, как Борис Шмидт, является подтверждением тому, что нельзя из поэтического вдохновения делать профессию. Это все равно, как невозможно услаждать свой слух тончайшей музыкой, живя в военном городке, где с утра до вечера звучат марши и бравурные мелодии. А стране тогда как раз и нужны были от поэзии не тонкий лиризм Фета и Есенина и не вольнодумные мотивы Пушкина и Некрасова, а «Левые марши» Маяковского и «Ветровые зарева» того же Луконина.

Борис Шмидт подчинил свой талант двум, как ему казалось, беспроектным темам. Пушкин и Ленин – вот два столпа его дороги, на которых он строил свое творчество.

Были у Бориса Шмидта стихи промежуточного характера. Он их писал, словно для отдыха души, между основными замыслами. Они-то, эти промежуточные стихи, и оказались лучшими в его творчестве. В самом деле, как и сегодня свежо звучат эти строки:

*Лес да перелески.
Звезды, словно зерна.
Край ты мой карельский,
Северный озерный.*

И если бы к столетию поэта, которое уже не за горами, издать книжечку его лучших стихов с названием «Край ты мой карельский», она пришлась бы по душе многим читателям.

Работая в Союзе писателей и потом до выхода на пенсию в журнале «Север», я вел дневник рабочих встреч с авторами и фиксировал переписку с творческими организациями. Этот дневник составил у меня две объемные тетради. Сегодня он нужен мне как память минувших лет. И для моих воспоминаний подспорьем почти не является. Иногда даты сверишь и имена.

Но самому перечитывать некоторые записи любопытно и иногда даже весело. Вот в 1976 году поэт из Кондопоги прислал стихотворение о нравах тогдашней городской молодежи:

*Все эти юноши отпеты.
Но органы о них молчат.
Пьют водку, курят сигареты
И в парке щупают девчат.*

А спрашивается, чем было еще этим юношам заниматься, если районный Дом культуры был все лето на ремонте? Или вот в том же году письмо из Питкяранты:

*Живу я в частном доме. Одинок,
Никто не сварит мне поутру каши.
Я, как и в детстве, маленький сынок,
Не мыслящий житухи без мамы.*

Судьба дарила и интересные встречи. Молодой человек Гурий Петров, пробуящий писать стихи, принес их мне на рецензию и стал на многие годы другом нашей семьи.

Среди записей встречаются такие, мимо которых пройти трудно. Август 1976 года. Из иностранной комиссии Союза писателей СССР позвонили нашему председателю. «У нас гостит польская писательница, заместитель многотиражного иллюстрированного журнала «Перспективы», и она же – заместитель председателя общества дружбы «Польша – СССР» пани Варньеска. Завтра она будет у вас. Обеспечьте ей гостиницу и сопровождение. Она желает ознакомиться с достопримечательностями вашего края».

Антти Николаевич пригласил меня:

– Иван, тебе новое приятное поручение. Будешь три дня опекать польскую писательницу пани Варньеску.

Утром встретишь ее с поезда. Разместишь в «Северной», место заказано. Потом будешь ее сопровождать на остров Кижы и еще куда она пожелает. Все расходы за себя оплачивает она. В Москве ее снабдили нашими рублями. На свои расходы получи в бухгалтерии у Анны Николаевны. Надеюсь, у тебя будет все в порядке, как и с французской писательницей, не помню, как ее звали?

– Мадам Лили Дини.

– Вот-вот, мадам Дини. Кстати, она хорошо отзывалась о твоём шефстве.

– Старался, Антти Николаевич.

– И с полькой тоже постарайся.

– Есть одна просьба, Антти Николаевич. Нельзя ли помимо скромных командировочных мне получить хоть сколько-то на представительские расходы? Они неизбежно возникнут, не знаешь где и когда.

– Если уговорим Анну Николаевну.

После долгих препирательств и, кажется, второй визы председателя я получил и командировочные, и представительские. Их хватило на обед в Кижях в водном ресторане и на сувениры.

Первая поездка с пани Варньеской была в Кижы. Места кижских шхер, островов мне знакомы с детства. Я рассказывал неторопливо, видя, что писательница по профессиональной привычке что-то записывает в своем блокноте. Мы приближаемся к Сенной Губе. Я подробно поведал ясновельможной пани, что поначалу наш детский дом находился вот здесь, в Сенной Губе, где я окончил третий класс, когда еще шла война. После Победы в июне 1945 года наш директор Анфиса Ивановна повезла нас, человек восемь отличников, на большой онежской лодке в Кижы на экскурсию за четыре километра, куда мы сейчас едем. Никакого музея тогда не существовало. Просто мы хотели посмотреть старинные храмы. Посмотрели, погуляли по острову. Но после обеда разразилась буря. И мы были вынуждены остаться на острове до утра. Местные жители хотели нас устроить на ночлег, взяв по домам. Но наша директриса приняла решение всем вместе разместиться в трапезной Покровской церкви. Жители острова не оставили нас без ужина. И теперь, когда я приезжаю сюда и вхожу в эту церковь, ищу взглядом то место на широкой лавке, где я спал, тринадцатилетний отрок, и мне снились ангельские сны.

По острову мы с пани гуляли часа четыре. Нам не нужен был экскурсовод, историю своего края я знаю неплохо. Впрочем, лучших толкователей интерьеров крестьянских домов с их бытом и укладом, чем смотрители, нет никого. И они рады были давать нам пояснения.

Думаю, что пани Варньеска после двухдневного пребывания на нашей земле увозила светлые и приятные

воспоминания, подтверждением этого была обширная публикация о кижских впечатлениях. Спустя месяца три или четыре я неожиданно получил пакет из Варшавы. Распечатал его и нашел журнал «Перспективы». В те годы его можно было сравнить с нашим «Огоньком», разве что формат был несколько меньше.

С интересом листал и вдруг увидел среди нескольких фотографий свое изображение на фоне береговой линии. В тексте уловил лишь отдельные слова и понял, что это очерк о нашей поездке. Возникло желание полностью ознакомиться с текстом. Мой приятель художник Петр Костюкевич знал польский с детства, я обратился к нему. Прочел и увидел, что помимо личных впечатлений пани Варньеска сумела передать почти все то, что я ей поведал по дороге. Посмотрел на тираж – около миллиона. В родной стране такие публикации обо мне и не снились. Я мысленно поблагодарил свою спутницу и отложил журнал в свой архив.

Работа с молодыми литераторами не терпела шаблона. Многие из форм прошлых лет не оправдали себя, другие никакого эффекта не приносили. Во всех районах работали литературные группы при районных газетах или библиотеках. Везде были пишущие прозаики и поэты. Как выбрать участников для очередного совещания из этого огромного числа пишущих?

Я решил, и это было поддержано правлением, объявить творческий конкурс на право участия в совещании за три месяца до его начала. И посыпались рукописи. Читать приходилось с утра до вечера, и я один не справлялся. Пришлось создать внутри своей же комиссии внештатный консультативный совет. Опять новая форма работы. Пошел живой обмен мнениями. Определили количество участников, исходя из имеющихся денег. Один раз в два или три года предусматривалась специальная целевая статья на проведение совещания.

Авторов было много. И нужно было сделать так, чтобы в отличие от прошлых лет, когда в зале сидит до тридцати-сорока человек, а успевают обсудить лишь три-четыре рукописи, чтобы каждый из участников услышал разбор и оценку своих стихов или рассказов. И тут я взял за образец учебу в Литературном институте, где работало одновременно множество семинаров. И эта идея была одобрена. Таким образом, в каждый семинар мы включили не более пяти-шести человек. И всего получилось шесть поэтических семинаров и два семинара прозаиков.

Как ни странно, но согласились с моим решением и поэты старшего поколения: Борис Шмидт, Алексей Титов, Михаил Сысойков, Николай Гиппиев, и более молодые члены Союза писателей: Олег Мишин, Лев

Левинсон, Станислав Панкратов, Виктор Сергин. На пленарном заседании каждый из руководителей семинара сделал анализ обсуждаемых работ, и по итогам совещания было решено издать коллективный поэтический сборник, в который следовало включить стихи Светланы Ефремовой из Машезерского лесничества, машиниста Кемского локомотивного депо Юрия Звягина, учительницы из Сегежи Марии Домасевой, рабочего камнерезного цеха Кондопожского камнеобрабатывающего предприятия Николая Кошкарёва и других авторов из Петрозаводска и районов республики. Также было рекомендовано молодому прозаику Борису Кравченко и поэту из Медвежьегорска Анатолию Родину готовить рукописи для обсуждения на профессиональных секциях.

Это было плановое рабочее совещание, и свою роль оно сыграло: и коллективный сборник «Проталины» вышел, и бульдозерист из Кондопоги Борис Кравченко и корреспондент газеты из Медвежьегорска Анатолий Родин свои первые книжки вскоре издали. Очередное же совещание в 1975 году мы решили провести с Петром Борисковым, который был тогда ответственным секретарем нашего Союза писателей, с приглашением видных литераторов России.

Когда приглашать, этот вопрос нас особенно не мучил. Петр Семенович взял на себя приглашение Виктора Астафьева, переехавшего из Вологды в свою родную деревню Овсянку Красноярского края. Я пообещал пригласить видного писателя из города на Неве Василия Лебедева. Петр Семенович подружился с Астафьевым во время учебы на Высших литературных курсах, которые и по сей день работают при нашем институте. Цель этих курсов со времени их образования, кажется, в середине тридцатых годов, сводилась к тому, чтобы в течение двух лет по уплотненной программе дать слушателям, не имеющим высшего образования, его основы. Петру Борискову с его университетским высшим образованием удалось на курсы попасть, но большинство его товарищей, в будущем видных писателей, высшего образования не имели. Это были преимущественно фронтовики, учиться которым помешала война. Главное условие для поступления на Высшие курсы было непреложным: будущий слушатель должен быть членом Союза писателей. И среди друзей Петра Борискова, имевших писательские билеты и не имевших высшего образования, были Виктор Астафьев, Борис Можаяев, Евгений Носов, Сергей Викулов, Иван Панькин... Всех их я тоже знал. Они ведь учились в те годы, что и я, и жили мы в одном общежитии.

Я часто бывал у Борискова. Большим драматургом он не стал, но его первая пьеса «В огненном кольце» о Гражданской войне на Севере успешно шла не только в Петрозаводске, но и во многих театрах страны. К со-

жалению, этот первоначальный успех развить ему не удалось. Так вот, часто бывая у него, я встречал то Виктора Астафьева, то Сергея Викулова, то Бориса Можаяева, то Евгения Носова, которые вскоре будут составлять цвет и славу нашей литературы. Петр Борисков всех их притягивал широтой души, завидной уже и тогда эрудицией, смелостью высказываний на самые острые темы.

Один раз я даже был свидетелем такого разговора. Размышляя о судьбе развития России после Октября, он утверждал, что не будь Октябрьского переворота, страна развивалась бы успешнее, и что загонять крестьянство в угол начали уже при Ленине. От таких откровений у меня возникла душевная оторопь. Я был коммунистом, на «отлично» сдал зачет по научному коммунизму. Я попытался что-то возразить, но на меня попросту не обратили внимания. И так каждое посещение старших товарищей, которые жили по одному в комнате, вносило в наши умы и души некоторое смятение.

Однажды разоткровенничался и Виктор Астафьев, когда речь зашла об изображении в нашей литературе войны и человека на ней. Астафьев прямо сказал, что правдивых книг о войне у нас пока еще нет. В центре таких произведений то глобальное сражение обязательно с нашей победой или массовый героизм народа. И то, и другое, делал он оговорку, было. Но нет солдата-победителя, на долю которого выпадали все страдания и унижения. Тут даже мне с моими тогдашними представлениями о войне возразить было нечего.

Имя Виктора Астафьева в последующие десять лет стало широко известным. И слух о том, что он приедет в Петрозаводск, вызвал большой интерес среди литературной общественности многочисленных поклонников его творчества. Дал согласие приехать и Василий Лебедев, один из секретарей Ленинградской писательской организации, отвечавший за работу с молодыми авторами.

Свое выступление Виктор Астафьев на нашем совещании начал, чего уж я никак не ожидал, с обсуждения моего доклада. Он отозвался о нем очень хорошо, сказал, что он по делу, в нем нет сиропа, свойственного на таких литературных мероприятиях. А мне это было только на руку. Накануне в узком составе с присутствием работника обкома меня как раз упрекали за излишнюю резкость высказываний по поводу отдельных графоманов, выросших из молодых, но стремящихся во что бы то ни стало «въехать на Парнас зайцем». Кое-что меня просили сгладить. Но я просто ничего уже не успел изменить и оставил все как было. Виктор Астафьев поставил все точки над «i».

Само его выступление было скорее импровизированным, чем заранее продуманным, но вместе с тем

блистательным. Он говорил не только о мастерстве, но больше о том, что писатель, молодой он или старый, в одинаковой степени берет на себя ответственность за каждое сказанное слово и что за все свои литературные или жизненные поступки рано или поздно придется отвечать. Только такое состояние души может помочь быть правдивым. Но и сама правда – такая вещь, которая словно бы лежит на поверхности, но попробуй ее взять и изобразить. Нет, не дается она в руки. Тут еще помимо таланта нужна зрячая душа. Это наш жизненный посох. И ко всему прочему, если человек чувствует, что у него есть талант, он должен быть перед ним ответственным.

По-своему ярким и насыщенным было выступление Василия Лебедева. Но, в отличие от Астафьева, он останавливался на конкретных примерах работы с молодыми писателями. Такой вот пример. Пришел к нему молодой писатель с повестью. Лебедев прочел, дал несколько советов. А тот заявляет: «У меня все хорошо, исправлять не буду!» Тогда Лебедев ему: «Иди прямо в издательство, ничем больше тебе помочь не могу». Вот так этот молодой человек ходит по издательствам, и за это время стал не таким уж молодым.

Неравнодушно говорил о будущем развитии национальной литературы Яакко Ругоев. Он много лет еще в свои относительно молодые годы возглавлял нашу писательскую организацию, и его творческим и общественным инициативам, казалось, не было предела. С ним было нелегко работать его правой рукой, ответственным секретарем, потому что он уже с утра намечал на день, что конкретно предстоит сделать, и добивался этого. И весь аппарат, а тогда в Союзе писателей работали двенадцать человек, трудился собранно, без лишнего балагурства и затяжных сеансов шахматной игры. Помимо того, что это был замечательный поэт, прозаик, публицист, он был государственным человеком. Хорошо знал не только нужды и боли родного Калевальского района, но и всей республики. Мне доводилось читать некоторые записки в директивные органы, в которых он не только сообщал о проблемах, требующих решения в неотложном порядке, но и предлагал способы их выполнения. Иногда даже указывал на источники финансирования.

Я нередко думал, и мою мысль поддерживал Олег Мишин, что если бы Яакко Ругоева назначили министром культуры нашей республики или еще на какой-то иной большой пост, он бы принес огромную пользу.

В начале девяностых годов мне посчастливилось с ним работать в Союзе писателей. Это был период какого-то литературного не то застоя, не то перехода в иное качество всего нашего существования. И мы все это ощущали. Дело было еще и в том, что в этот период не было у нас председателя. То есть он был, но тяжело болел, и всем было ясно,

что на работу, а скорее всего и домой, он не вернется. Речь идет о поэте Николае Лайне (Гиппиэве). Правление уговорило Ругоева хотя бы временно поработать исполняющим обязанности председателя без оплаты, и он дал согласие. Олег Мишин стал исполнять обязанности рабочего председателя уже с полной ставкой, а меня попросили (я в то время не занимал никакой должности) исполнять обязанности ответственного секретаря. Мы все вроде исполняли чью-то роль. Но на самом деле дружно и безропотно тянули этот воз, тяжелевший с каждым месяцем. Перестройка. Новое мышление. Демократизация. Все эти неведомые нам явления вносили не только дух новизны, кому приятно, кому не очень, щекотавший души и нервы, но и некоторый ералаш в работе, которым подчас трудно было управлять. Входит ко мне в кабинет писатель среднего поколения, только издавший книжку, которую слегка похвалили.

– Добейся, – говорит, – чтобы меня включили в план издания следующего года. Хватит издавать этих старых пукальщиков...

Я ему и так и эдак, дескать, не такое простое дело пересмотр издательского плана. Тут нужно еще и решение правления. Напиши заявление, и я вынесу этот вопрос на правление. А там уж как карта ляжет.

– Нет. Так не пойдет. Знаю я ваше правление. Каждый только за себя борется, как бы пожирнее кусок отхватить. Ты позвони прямо при мне в обком, и пусть они дадут указания издательским бюрократам, – прижимает он меня к стенке.

Я нахожу выход. Заведующий сектором печати в отпуске, но делаю вид, что не знаю этого. Набираю номер его секретаря и спрашиваю: «Будьте любезны, соедините меня с Василием Петровичем». «Василий Петрович находится в отпуске», – отвечает секретарша. Звук телефонной мембраны резонирует так отчетливо, что мой собеседник не может не слышать. Я оборачиваюсь в его сторону и пожимаю плечами: дескать, ничего не поделаешь.

– Ладно, сам пойду в издательство и возьму там их за горло, – и, не прощаясь, выходит из кабинета.

Не успела за ним закрыться дверь, новый визитер из молодых. Ему лет слегка за тридцать. Внешне вежлив, в манерах респектабельность. Как же, аспирант. Того и смотри лет через пять-семь будет доктором филологии. Напишет диссертацию и будет ходить с толстым кожаным портфелем.

– Знаете, я к вам по важному делу. Наша инициативная группа решила, что поскольку журнал «Север» нас упорно не желает публиковать, мы решили создать свой журнал. У нас уже и редактор есть.

– Кто же?

Визитер называет фамилию.

– Но его еще недавно приняли в члены Союза писателей, и сам он нуждается в поддержке.

– Но он очень перспективный, и у него есть деловая хватка.

– Ну, тогда с богом! – принимаю я игру, хотя вижу, что это прожектерство чистой воды.

– Нам важно, чтобы вы с Олегом Мишиным поддержали нас на правлении.

– Хорошо, я с Мишиным поговорю, и если правление не будет против, поддержим.

На прощание выясняю:

– А кто будет этот журнал финансировать?

– Теперь же демократия! Должен выходить и альтернативный журнал!

– Значит, государство, – заключил я. – А примет ли оно на себя эти дополнительные расходы?

Почему я привожу эти примеры? Не для того же, чтобы запоздало в чем-то себя оправдать, а кого-то поставить на свое место. Переходное время вызвало в обществе брожение в умах многих людей, и некоторые из них, считая, что они были ущемлены в своих деяниях прошлой системой, решили, что пришло их время. Другие, сбитые с толку, не знали, как поступать и чего ждать, жили и работали по инерции. Третьи искренне верили, что эта очистительная волна позволит освободиться от мрачных страниц прошлого и даст новый импульс развития. Были и такие наивные люди, которые считали, что завоевания социализма, в том числе издание книг за государственный счет, останутся неизменными, а тиражи даже увеличатся, поскольку издание партийной литературы прекратится. И никто не задумывался по-настоящему, что принесет нам рынок со звериным оскалом капитализма, как об этом говорили нам школьные учебники. Да что там творческая интеллигенция, если главный вдохновитель всех новых экономических реформ Егор Гайдар и сам, выходя, не понимал сущности рыночных механизмов в постсоциалистическом обществе.

Вот в таких условиях нам с Олегом Мишиным при моральной поддержке Яакко Ругоева пришлось вести корабль Союза писателей, огибая по возможности рифы и мели. Не уберегли. Союз писателей сел на первую мель уже в 1990 году. Министерство финансов значительно урезало смету расходов на содержание аппарата, и председатель Союза писателей (к тому времени Олег Мишин был официально утвержден правлением в этой должности) вынужден был сократить несколько человек. Это было нелегкое решение, и безболезненно оно для некоторых сотрудников не прошло.

Ужались в поездках, в выступлениях, отказались от проведения затратных совещаний молодых пи-

сателей. Но в уныние не впадали и продолжали работать.

Второй сигнал, последовавший через два года, был куда серьезнее. За полгода Министерство финансов предупредило, что снимает нас с бюджетного финансирования. Собрали правление. Предложение было одно: постараться сохранить здание. Это каменное одноэтажное здание с мансардой еще довоенной постройки отвечало всем нашим потребностям. На какое-то время сохранить его за собой удавалось. Даже смогли одной из фирм, которые в те годы рождались на глазах и нуждались в помещениях, сдать несколько комнат в аренду. Это позволило содержать до предела сокращенный аппарат. Так жили и работали до 1993 года, пока не наступила окончательная смена общественно-политических вех.

К тому времени коммунистическая идеология и социалистический уклад экономики был заменен или активно заменялся рыночными механизмами, а духовная жизнь – христианско-церковными. В Карелии на примере Союза писателей эта смена вех произошла более чем наглядно, на конкретном примере. У писателей здание забрали и передали его нашей Карельской епархии. Все остальные коммунистические символы рыночно-демократическая власть оставила нетронутыми. Впрочем, для себя от социализма власть взяла все лучшее, а все худшее усугубила еще и диким рынком – отдала народу. Егор Гайдар считал, что рынок механически сам все расставит по своим местам. Не расставил и не расставит.

Нам пришлось выехать из этого здания и переехать туда, где работали раньше. Правда, не в прежние кабинеты, а в подвальное помещение. Мы не артачились, с властями ссориться бесполезно. Дареному коню в зубы не смотрят. А там все же было до пяти-шести кабинетов и даже небольшой зал человек на пятьдесят.

И мы умудрились опять найти фирму для аренды и сдать большую часть помещений. К этому времени мы уже были сняты с бюджетного финансирования, и скромные ставки председателя Олега Мишина и его помощника Анатолия Суржко тоже оплачивала эта фирма. На арендные деньги мы даже умудрились издать две книжки – книгу прозы и солидный коллективный сборник стихов «Волны трав».

Но и этот период длился недолго. Какие-то умники наверху сочли, что общественная организация не имеет права сдавать в аренду свое помещение. Так уважаемый общественный институт с мощным духовным потенциалом был равнодушием чиновников низведен до уровня обычной дворовой общественной организации.

Но вернемся к осени 1985 года. Это был объявленный ЮНЕСКО всемирный год карело-финского эпоса «Калевала» в связи со 150-летием со дня первого его издания. Для многочисленных читателей и тружеников пера это было большое событие, отмечалось оно с размахом. Я расскажу лишь о приезде гостей, наших собратьев по перу из Москвы, города на Неве и других городов страны и о моих поездках по районам республики с поэтами Виктором Боковым и Юваном Шесталовым.

Время для работы Союза писателей было пока благоприятное. У нас была машина «Волга» с водителем. Мне было поручено сопровождать писателей по Прионежскому, Олонецкому и Пряжинскому районам. Вначале выехали в Прионежье. В течение дня провели четыре выступления, о двух расскажу подробнее. Выступали на ферме. Народу в комнате отдыха собралось человек до тридцати. Виктор Боков словно и не расставался с доярками и скотниками. Словом, был за своего мужика. Ведь он же родом из подмосковной деревни Язвицы. Он шутил, балагурил, и все шло у него к месту, и ничего напускного и поддельного в его словах и жестах не было. Это был народный поэт. И когда я по праву ведущего встречи представлял его и говорил, что это он автор песен «Вот кто-то с горочки спустился», «На побывку едет молодой моряк», «На Мамаевом кургане» и многих других, в ответ раздавались слова: «Мы это знаем».

Виктор Боков своей авторской известностью не кичился. Песня ушла в народ и стала целиком его достоянием. После нашей, несколько уже затянувшейся, встречи доярки все не расходились. Началась непринужденная беседа о жизни и о работе, и Виктор Боков стал задавать дояркам профессиональные вопросы. Хозяева с удивлением смотрели на именитого гостя: «Вот тебе и писатель, а знает нашу работу не хуже нас самих». Я тоже был удивлен. Вот это знание жизни! И когда мы покинули помещение животноводческого комплекса и сели в машину, я спросил:

– Откуда, Виктор Федорович, у вас такие знания зоотехники?

– Друг мой, я же работал зоотехником в одном огромном совхозе.

«Вот те на», – подумал я, знавший о Бокове как о поэте, накануне войны окончившим наш Литинститут.

С моим спутником я, можно сказать, шапочно был знаком задолго до этой поездки. Как-то на третьем курсе Владимир Соколов пригласил Виктора Федоровича на наш семинар. Стихи и песни Бокова уже гуляли по стране. А в коридорах общежития нашего института то и дело слышались отзвуком хрущевской оттепели его строки:

*То тебя – в генералы,
То тебя – в рядовые.
То тебе – гонорары,
То тебе – чаевые,
Но жизнь – это чудо,
А чуда не запретишь.
Да здравствует амплитуда –
То падаешь, то летишь.*

Да уж, падений и взлетов на долю поэта Бокова выпало хоть отбавляй. До войны успел окончить Литературный институт. Его по первым стихам заметили Пришвин и Пастернак. Когда началась война, молодой поэт еще не был призван. Москве уже угрожала осада, и многие писательские семьи эвакуировались, кто в Чистополь, кто в Елабугу на Волге. Борис Пастернак пригласил Бокова на проводы Марины Цветаевой.

Вскоре призвали и Бокова. Воевал под Москвой, но недолго. Был вызван в особый отдел дивизии и там арестован. За что? Ответить на этот вопрос Виктор Федорович не мог и сам. Скорее всего, в солдатском кругу, имея острый язык, рассказал какой-нибудь анекдот или спел частушку не совсем патриотического содержания. А кто тогда знал, что в каждой роте находится штатный доносчик? Суд военного трибунала был короток. Заслушали дело и вынесли приговор: восемь лет лагерей. Спустя многие годы он горестно скажет:

*Выдержал, выдержал, переварил.
Через такие горы перевалил,
Каких не знала еще география,
Вот моя биография.*

Тогда на прионежской земле я ничего этого не знал о поэте, но успел его полюбить всей душой не только за стихи, но и за его веселый характер, душу, открытую для всего доброго. И уже значительно позже при последующих встречах я узнал многие подробности «сибирского сидения» поэта. Беру слова в кавычки по той причине, что это название его цикла о сибирских лагерях.

Может быть, подробно об этом я бы и не стал рассказывать, но удивительным образом его сибирская ссылка переплелась с судьбой молодого зоотехника Сиблага, вольнонаемной Марией Терентьевой, родом из села Паданы Медвежьегорского района. Между прочим, она была сестрой знаменитого карельского лыжника, олимпийского чемпиона Федора Терентьева.

Однажды в начале девяностых годов мне позвонила петрозаводчанка Надежда Акимова, племянница Марии Терентьевой. Она сообщила, что тетушка, ког-

да уже была тяжело больна, передала ей на хранение кой-какие бумаги, и среди них две рукописные самодельные тетради со стихами и записями московского поэта Виктора Бокова. На следующий день я был у нее в квартире в одной из высоток Кукковки. В беседе выяснил, что Мария окончила Сельскохозяйственную академию в Пушкине Ленинградской области и была направлена накануне войны главным зоотехником огромного полеводческого хозяйства Сиблага. Там они с Виктором Боковым и познакомились.

К тому времени поэт уже был расконвоирован. Специалисты не хватало, и его, имевшего высшее образование, направили на курсы зоотехников, которыми руководила Мария. Виктор Федорович окончил курсы первым по успеваемости и по ходатайству Марии был назначен ее заместителем. Так у него появилась относительная свобода перемещения.

Стихи рождались в седле. Чтобы записать пришедшие строки, останавливал лошадь, а потом ехал дальше. Хранить записи у себя было опасно, и он отдавал их на хранение Марии.

Многие из этих стихов и записей посвящены Марии. И неудивительно. Между молодыми людьми возникла симпатия, перешедшая в любовь. Мария первой покинула Сиблаг, потому что ей предстояло взять на себя ответственность за перегонку племенного стада коров в Карелию. А ее поэту еще предстояло два долгих года томиться в лагере. Тетради Мария увезла с собой. Виктор Федорович был сильно огорчен разлукой и при отъезде просил любимую женщину, справив все дела у себя на родине, переехать к его отцу в деревню Язвицы, что недалеко от Москвы. Он напишет домой подробное письмо, и ее там примут как дорогого человека. И она была не против этого, но что-то ей помешало...

Обо всем этом я узнал отчасти из рассказа Надежды Акимовой, отчасти из стихов и дневниковых открытий поэта. Но сначала выразил удивление:

– Это как же, такие бесценные рукописи пролежали столько десятилетий у вашей тетушки, и ни она, ни сам он не спохватились...

– Тут я ничего не могу пояснить, – сказала Надежда Михайловна. – Возможно, она ожидала, что он к ней приедет, а может, он ждал ее. Или третий вариант: забыл о них.

Забыть о стихах, написанных в таких условиях? И я для себя выдвинул четвертый, пожалуй, наиболее правдоподобный вариант. Скорее всего, Виктор Федорович помнил свои стихи на память и восстановил их. Может, не все. А что касается второй дневниковой тетради с лирическими исповедями, адресатом которых была Мария, она предназначалась только для нее. К тому же у Виктора Бокова после освобождения появилась другая женщина...

Я сделал ксерокопию этих рукописей (они на сохранении в Государственном архиве Карелии) и выслал автору, прося его разрешения рассказать об этой истории. Разрешение было получено. Почти часовая передача прозвучала в эфире Карельского радио. И автор, и редакция получили немало откликов. Кроме того, материал был опубликован в журнале «Карелия», в газетах.

Сверяя разные издания стихов Бокова с имеющимися в этих рукописях, я увидел, что значительная их часть не была опубликована. И вот в 1998 году Виктор Федорович прислал мне солидный том своих избранных произведений. Он издан небольшим тиражом – тысяча экземпляров. И тем ценнее для меня этот подарок с трогательной надписью, что он считает меня одним из своих лучших друзей. Примечательно, что в этом томе появились и те стихи, которых не доставало в предыдущих изданиях. Это меня порадовало. Значит, присланная мной рукопись хоть отчасти помогла ему восстановить полностью цикл «Сибирское сидение», один из самых пронзительных в его творчестве.

Он был своим человеком и среди сельских культурработников, когда учил их, как правильно работать с частушкой. Брал в руки балалайку, начинал виртуозно исполнять, артистически изображая персонажей исполняемых частушек. Кстати говоря, в его коллекции насчитывалось более десяти тысяч частушек. Ему казалось, что он, объездив почти всю Россию, собрал все. Но когда я прислал ему свой сборник «Заонежская частушка», он откликнулся: «Дорогой мой дружище Иван. Ты мне удружил. В твоей книжке я не знаю больше половины частушек. Вот бы походить с тобой по избам Заонежья...»

Он был своим и среди школьников. Умел разговаривать с ними без умствований и назидательности. Вот мы выступаем в старших классах средней Шелтозерской школы. Выступали, между прочим, в классе, где у среднего окна была парта Анны Лисицыной, героини вепского народа, подвиг которой был после войны воспет Виктором Боковым в его известной поэме «Свирь». И когда автор через много десятилетий читал землякам Анны строки поэмы, у многих девочек на глаза набегали слезы.

– Аня, ты плывешь? Плыви!

– Аня, ты живешь? Живи!

А что же это я ни слова не говорю о Юване Шесталове, народном поэте Ханты-Мансийского округа? С ним я много раз встречался и в Петрозаводске, и в Москве, но близких отношений не сложилось, хотя взаимное уважение друг к другу мы всегда проявляли. В нем ярко проявлялся характер

своего народа манси. И внешностью, и жестами подчеркивал он единство со своим народом. Гордился своим званием и любил повторять, что на Родине его знают и ценят.

Юван Шесталов внешне держался просто, был человеком компанейским. Но также проявлял черты некой избранности, бывал капризен по мелочам. В ресторанах он иногда просил официанта заменить скатерть на свежую. Рыбу, в которой понимал толк, если она была недожарена, возвращал на кухню. А когда мы приезжали на выступление в крупное село или в райцентр, он просил меня обязательно организовать ему на обед и на ужин хорошую свежую рыбу. И я организовывал, надо же было уважить гостя.

Но надо было видеть, как он выступал. Это было необыкновенное зрелище. Он выходил перед публикой и издавал поначалу протяжный звук, похожий на шелест хвойного дерева. Потом вскидывал голову, выставлял ногу в сторону и в такт стихотворению начинал притопывать. На гласных звуках «о» и «ю» он менял интонацию и начинал шаманить, изображая что-то жестами. Переводы его стихов, выполненные мастерами московской школы, были безукоризненно правильными с точки зрения языка и декламации. Но и это его не устраивало. Он временами переходил на свой язык, и вот тогда уже начиналось истинное шаманство, не хватало только бубна, оленьей шапки на голове и какой-нибудь шкуры на плечах. Зрители были в восторге, хотя многое из того, что он читал, не понимали.

Виктора Бокова на юбилей «Калевалы» отправили не случайно. Он еще до войны, будучи студентом, приезжал в Карелию с фольклорной экспедицией. Побывал в Ухте (ныне поселок Калевала), встречался с рунопевцами и сказителями. Даже перевел несколько рун. Приезжал он к нам еще в шестидесятые годы по приглашению Дома народного творчества как знаток частушек и народного быта. Провел несколько интересных семинаров.

У нас была долгая многолетняя переписка. Из его писем я узнавал новости московской литературной жизни. И в свою очередь делился нашими новостями. К юбилейным его датам посвящал стихи. Вот одно из них на его 85-летие:

*Дорогой мой Виктор Боков,
Мне сказать о том легко,
Что люблю тебя глубоко,
Твою музу – глубоко.
Знаю, ты сидишь на даче
И востришь свое перо,
И не ждешь слепой удачи,
Сам преследуешь ее.*

*Будоражат сердце рифмы
И бодрят, как первый хмель,
И нередко вместо рифмы
На строку садится шмель.
Все несчастья и невзгоды
Пусть обходят Лукино,
А тебя не старят годы,
Душу радует вино.
И пока плывут рассветы
Над простором рек и нив,
И пока живут поэты,
Дух России будет жив.*

У Виктора Бокова была необычайно широкая русская душа. Его бескорыстной дружбы хватало на многих. Я представляю, сколько людей, особенно из поэтов более молодого поколения, притягивал не только его истинно природный талант, но и его деловые и человеческие качества. Однажды, встретившись со студентами Литературного института, это было уже после моего окончания, он заметил, что Сергей Макаров из Ленинграда одет очень уж легко, не по сезону. Задал вопрос, оказалось, что Сергею кроме ветхого плащика нечего надеть. Виктор Федорович пригласил молодого поэта в гости. Накормил, напоил и одел в свое еще новое пальто. Подобных поступков у него не счесть. А как он любил природу и как свободно об этом говорил:

*Соловей сказал мне: «Вить,
Я хочу гнездо завить».
Я ответил: «Соловей,
Дело жизненное вей».*

Такая простота многим недоступна. А свое «гнездо» в Переделкино (Лукино – часть переделкинско-го поселка) он вил с особой любовью бывшего деревенского жителя. А как он любовно ухаживал за своим садом, где у каждого деревца было свое имя!

Нередко письма Виктора Федоровича сопровождались стихами, мне посвященными. Это были стихи-экспромты – от сердца к сердцу. Сам, я думаю, художественного значения он им не придавал, да и я никогда и нигде не пытался их публиковать. Но одно из них уместно именно сейчас привести полностью:

ПОСВЯЩЕНИЕ – ОТВЕТ ИВАНУ КОСТИНУ
НА ЕГО ЮБИЛЕЙНОЕ ПОСЛАНИЕ
В ЧЕСТЬ МОЕГО 85-ЛЕТИЯ

*На участке моем в природе
Одуванчики, зверобой...
Представители литературы,*

*Режиссеры, само собой.
И певицы, и царь-девицы,
И гармони, и барабан,
Трубы, горны и плюс валторны.
Мне по сердцу такой тарарам.
Едут к Бокову отовсюду,
Значит, каждого распотешь.
Стукну ложкой по белу блюду,
Это значит, садись и ешь.
За поэзию тост обычный.
Мне поэзия – высшая власть.
Есть у каждого опыт личный,
Чтобы выпить и не упасть.
Здравствуй, матушка – мать Россия,
На твоих мы опорах стоим.
Благодарность прими, что носила
Ты любого под сердцем своим.*

В 1985 году наша дочь Лена вышла замуж. Событие семейного порядка, и об этом необязательно было бы и упоминать. Но дело в том, что нашим зятем стал заонежанин, после учебы оставшийся в Петрозаводске, Володя из Великой Губы. А его отец Анатолий Прохоров был коренным великогубцем и историю своего села знал хорошо. После войны и до присоединения Заонежья к Медвежьегорскому району в 1959 году Великая Губа была районным центром, и жизнь там была несколько другая. Это село я знал хуже других мест родного края. А после того как в нем у нас появилась родня, мы время от времени стали туда ездить, и у меня была возможность познакомиться с жизнью тогдашнего села и его жителями.

Я подолгу беседовал с Анатолием Степановичем, записал от него множество любопытных историй из прошлой жизни края. Кое-что я использовал в своих статьях, наиболее яркие истории включил в рукопись еще неизданных рассказов. Приведу вкратце одну из таких историй крестьянского быта.

В соседней деревне Липовицы жил крестьянин Иван Буторин, человек могучего сложения и большой физической силы. Владел крепким подворьем и сопровивлялся совхозу как мог, до последних сил. Сена накашивал столько, что всей деревне трудно было за ним угнаться. Зимой в извозе мог сутками быть на морозе, и все ему нипочем. Работал много, но и аппетитом отличался завидным. Приедет, бывало, из лесу с возом дров и, прежде чем разгрузить его, зайдет в избу. А жена Марфа Филипповна как раз блины печет. Снимет блин с горячей сковородки, смажет маслом, посыплет мелким домашним сыром и укладывает в стопку на деревянное блюдо. Иван подходит к печке, сворачивает вчетверо блин и проглатывает:

– Ух, как хорошо, ух, вкусно! Мажь сразу по два.

Марфа Филипповна мажет по два и каждый посыпает сыром. Иван съест полдюжину сдвоенных блинов, еще раз ухнет, крякнет и скажет:

– Ну, слава богу, перекусил. Теперь до завтрака жить можно. – И выходит разгружать воз.

А то как-то зимой привез с дальних пожен большой воз сена. Остановил у сарая лошадь, бросил ей волачугу сена и сам пошел в дом – перехватить что найдется. А у Марфы Филипповны уже пироги-гороховники на кухонном столе дымятся. Это были пироги особые, нынче их перестали печь. Они напоминали своей формой рыбники, только размером поменьше. Но тоже внушительные, такого пирога одному человеку хватало, чтобы почувствовать сытость. Увидев теплые пироги, Иван Буторин издал свой традиционный возглас:

– Ух ты! Горяченькие еще. Вот я их сейчас и испробую.

Съедает один пирог:

– Ух ты, какой мягкий!

Съедает другой:

– Ох ты, как они кстати!

И съедает еще два пирога. Немного постоял, посмотрел на Марфу, которая радовалась, что так угодила мужу, и, как обычно в таких случаях, завершил:

– Ну, слава богу! Теперь до завтрака жить можно. Ставь, Марфа, самовар, а я пойду сено выгрузу.

Марфа Филипповна была любительницей длинных церемонных чаепитий. Один или два раза в неделю она устраивала такое чаепитие, которое могло продолжаться и два, и три часа. Это когда к ней в гости приходил такой же любитель чаевничанья, как и она сама, ее кум из соседней деревни Вигово. Как только завидит в окне, что он показался на дороге еще за деревней, хватает в руки ведро и бежит к роднику за свежей водушкой, как она называла воду для самовара. А было у нее в хозяйстве пять самоваров – от трехлитрового до пятилитрового. Если ей чаепитие предстояло вдвоем с кумом, ставила трехлитровый, а если не хватало, доливала и снова грела.

Обычно кум приходил после полудня, когда уже все обедали. Он переступал порог, коротко приветствовал куму и крестился на большой угол, где висела старинная икона с изображением святого Николы Угодника.

– Да у тебя, Марфинька, уже и самоварчик на палке. Ишь, как распыхтелся, будто от удовольствия.

– Раздевайся, Митрий, и проходи к столу. Будем чаевничать.

У Митрия за столом было свое место у окна ря-

дом с самоваром, чтобы под кран его было удобно подставлять чашку. Марфа сидела напротив. Митрий доставал из холщовой сумки полотенце с вышитыми по концам петухами и связку городских баранок. Он их специально приберегал для этих встреч. После первой чашки кум Митрич чуть откидывался назад, блаженно улыбался и говорил:

– Твоим бы чаем, Марфинька, не меня, а небесных ангелов угощать.

А та обыкновенно говаривала:

– Пей, кумушко, на здоровье, пей. Давай сразу и вторую налью.

И кум охотно подставлял под кран свою чашку и выпивал с наименьшим удовольствием, приговаривая:

– Ах, благодать-то какая!

На третьей чашке он разламывал баранку и одну половинку протягивал куме:

– Испробуй-ка, Марфинька, городского гостинца.

На четвертой его лоб покрывался потом. Выпивал полчашки. И тогда завязывалась кумовская беседа о том о сем, а главное, о будущем урожае, о закончившемся сенокосе, если дело было к осени. А зимой были свои заботы. Да и деревенские новости не оставались без обсуждения. Пятую чашку Митрий пил медленно, поглядывая на куму, чтобы не опередить ее. А после пятой обыкновенно говорил:

– Не сходить ли мне, кума, проветриться. Жарковато что-то стало.

– Сходи, а я тем временем самоварчик долью и свежий чай заварю.

И снова пытит самовар, словно от удовольствия.

– Старый у тебя самовар.

– Старый, кум, старый. Посажный мой. Татенькой еще из Питера привезенный. Батошовский. Видишь, на нем три медали выбиты.

Митрий разламывал очередную баранку.

– Ах, и водушка у тебя вкусная, что пил бы и пил за здоровье всех близких и царицы небесной.

– Пей, кум, пей, и мне в радость с тобой почаевничать.

– Ну, еще, что ли, по одной чашке, и можно отступить.

Митрич выпивал последнюю чашку, переворачивал ее на блюдечке вверх дном, и если оставался хоть крохотный кусочек сахара, клал его на дно чашки, и это означало, что уже никакие силы не заставят его больше пить. Еще раз вытирал полотенцем потное лицо со словами:

– Ах, ты, благодать-то какая!

Укладывал полотенце в сумку вместе с оставшимися баранками и прощался с неизменным обещанием:

– Ну, Марфинька, спасибо-преспасибо, и если все будет ладно, как раз в следующий четверик и загляну.

А если в обещанный день Митрий вовремя не появлялся, Марфа Филипповна начинала беспокоиться: «Уж не заболел ли мой кум?» Но как он появлялся в конце деревни, хватала ведро и шла к роднику за свежей водушкой.

Последние год или полтора перед выходом на пенсию я не занимал никакой оплачиваемой должности и жил исключительно литературными заработками. Вышел на заслуженный отдых (уж я-то, наверно, его заслужил при своем сорокапятилетнем стаже трудовой деятельности) в конце 1991 года.

Получил, как и многие мои ровесники, пенсионный «потолок». Но я не унывал: восполню гонорами. Но это был наигранный оптимизм. Редакции по существу перестали выплачивать гонорары, а солидный сборник стихов «Запах воды» я сумел издать за государственный счет лишь десять лет спустя. Но я продолжал работать и накапливать рукописи. Кое-что публиковалось в журнале, иные вещи издавал за свой счет, пускаясь в рыночную стихию. Демократические свободы, за которые так ратовала передовая часть творческой интеллигенции, ударила в первую очередь по ним же. Были разрушены государственное издательство и книготорг. Те две точки опоры, которые помогали писателям работать, издаваться и доходить своими книгами до читателя. На эту большую тему написаны десятки статей.

Поскольку нельзя было в полной мере реализовать себя в творчестве, я занялся общественной работой. Особую страницу в ней занимает Общество русской культуры во главе с доцентом Карельской педагогической академии Игорем Тюриковым и заведующим кафедрой всеобщей истории Карельского института повышения квалификации учителей Владимиром Водолазко. Все десять лет мы занимались организацией и проведением литературно-музыкальных вечеров. Работали в содружестве с Обществом книголюбов, Карельской филармонией, привлекали консерваторских певцов и музыкантов, театральных деятелей.

Одна из примечательных страниц работы нашей организации «Зори Заонежья», ставшей правопреемником организации «Земля Заонежья», это возведение часовни в честь преп. Зосимы Соловецкого на его родине в деревне Загубье вблизи села Толвуя.

Инициатором этого благосвятого дела выступи-

ла член правления нашей организации Людмила Балехова. Тогда она еще была жительницей Петро- заводска, а родом она из Загубья. В этой деревеньке оставался один житель, ее мать. Поначалу Людмила Алексеевна со своими помощниками установила поминальный крест на месте родительской избы преп. Зосимы, одного из основателей Соловецкого монастыря. Народная память сохранила предание об этом месте. С тех пор в Загубье день 30 апреля отмечается как день памяти о покровителе земли Заонежья Зосиме Соловецком. А когда матери Людмилы Алексеевны не стало, она не дала потухнуть единственному огоньку в деревне и переехала под родительский кров на постоянное жительство.

В апреле 2002 года наше правление обратилось с письмом к архиепископу Петрозаводскому и Карельскому Мануилу с просьбой благословить строительство часовни в Загубье. Благословение нами было получено. С того времени по бревнышку, по венцу часовня стала расти.

Своих средств у нашей организации не было. Но не было такого собрания, на котором бы мы не обращались к землякам с просьбой о посильных взносах на это святое дело. Откликались все, но эти деньги были невелики. Мы организовывали платные концерты, привлекая к их проведению известных артистов и лучшие самодеятельные коллективы. Оказывал поначалу помощь Соловецкий музей, где директором работал наш заонежанин Владимир Лопаткин. Собирали, как говорится, с миру по нитке. Все эти подвижнические деяния сегодня уже проявились наглядно. Часовня внушительных размеров стоит, осененная крестом, на том самом высоком месте, где ранее стояла ее предшественница, разрушенная в тридцатые годы. И, как новорожденный храм, она притягивает своей духовной силой не только жителей здешних мест, но и многочисленных туристов, путешествующих по Заонежью.

Заглядывают иногда и иностранные гости. В Загубье побывал художник из Италии Петр Чахотин, русский по происхождению. Его родители – эмигранты первой волны – осели во Франции. Он часто бывает в России, имея гражданство нашей страны, даже несколько лет жил и работал на Севере.

Часовня росла на моих глазах. А когда поднялась во весь свой рост, я написал такое стихотворение:

*На земле святой и древней
Не когда-то, а сегодня
Встала в Загубье-деревне
По-над озером часовня.*

*Храм возрос на радость людям,
Мысли-думы проясняет.
Свет небесный мило-любю
На кресте его сияет.*

*Облака на небе тают,
С пожен веет ветер вольный,
И Зосимы дух витает
Над шатровой колокольней.*

*Перед храмом с сердцем легким
И в душе с молитвой божьей
Снимет шапку гость далекий,
Перекрестится прохожий.*

*Храм стоит на радость людям,
Мысли-думы проясняет,
И смотреть мне мило-любю,
Как на главке свет сияет.*

Там, где побивается родничок духовной жизни, возрождается и сама жизнь. Сегодня в Загубье зимой зажигается уже не один огонек, а сразу три. Строятся еще два дома. Так мало-помалу деревня примет свой жилой облик. Дома в ней будут новыми, но это будет все та же деревня со своей глубокой историей.

Минувшим летом после посещения Загубья я заглянул в родную деревню Хашезеро. Неуютной она стала, неприветливой. Я молча постоял над двумя родными пепелищами. Дедовский дом, служивший украшением середины деревни, сгорел во время войны. В деревне стоял финский гарнизон, а мы были, как я уже говорил, выселены в другую деревню за двадцать километров, через три озера, которая по иронии судьбы называлась Костино. Сгорел наш дом, видимо, по неосторожности солдат. Правда, еще и наша школа была разобрана на блиндажи. Все остальные дома уцелели.

Отец вернулся с фронта, пройдя всю Европу минометчиком и закончив войну в Румынии. Тоже в свое время постоял на родном пепелище и стал понемногу устраивать свою судьбу. Купил в своей же деревне полдома. В последние годы в нем уже никто не жил. Бывая в деревне, я мог в нем вспомнить свое послевоенное детство. Полежать на диване после дороги. На том самом диване, поднявшись с которого утром в августе 1947 года, ушел в большой мир в поисках своей доли. Сгорел и этот дом совсем недавно. Сгорел по неосторожности соседей, живших летом во второй половине.

*И в дни невзгод, и в дни благополучия,
В минуты озарений иль тревог
Дорога к дому в выбоинах лучше
Иных навек отлаженных дорог.
Мне это чувство сызмальства знакомо.
Теперь, когда утрачена родня
И нет в помине дедовского дома,
Дорога к дому все ж ведет меня.
Теперь мой дом – сама земля родная,
Где для души нужны всего-то мне
Березка на пригорке, синь сквозная
Да лилия в озерной тишине.
Здесь духом трав пропитан ясный воздух,
А над заливом плавится закат,
Где из воды задумчивые звезды
В мои глаза из прошлого глядят.*

Словно глядя на эти опустошения, пригорюнилась и ссутулилась наша Екатерининская часовенка. Она давно уже без колокольни и своим видом мало напоминает божий храм. С тридцатых годов она служила сельским ларьком, и сегодня ее первоначальный облик никто из жителей не помнит.

Я говорил с земляками о возможности ее реставрации. К сожалению, такого энтузиаста, как Людмила Балехова, нет в округе. Трудности трудностями, но когда в душе нет божественного озарения, дело само в руки не пойдет. Деревня продолжает гаснуть на глазах, да и не только деревня. Пересохла речка нашего детства Путка, где мы любили купаться у мельничной запруды. За какие-то два десятилетия после мелиоративных работ основа-

тельно заросло озеро, и в нем перевелась рыба. Вода стала непригодной для питья. Но люди все же приезжают летом на родину, занимаются огородами, выгуливают скотину. На три-четыре месяца деревня притворяется жилой.

Что ждет деревню в ближайшие десятилетия? Полная гибель или возрождение? Хочется верить в последнее. История края и связь времен не должны прерываться, мы живы памятью своих предков. И кому же продолжать их традиции, если не нам самим?

На берегу Онежского озера в километре от Хашезера есть прозрачный родничок. Я решил проверить, не заглох ли он? Нашел его по приметам. Вроде ничего нет. Расчистил место и увидел, как дрогнула поверхность ключевой воды. Почерпнул пригоршней и попробовал на вкус. Лесная прохлада воды приятно освежила пересохший от жары рот.

Вот так и родники народной жизни не будут глоснуть, если мы будем помнить о них и все делать для их жизнестойкости.

***Петрозаводск,
август– сентябрь 2010 г.***

Иван КОСТИН –

поэт, прозаик.

Родился в заонежской деревне Хашезеро (1931 г.).

Автор стихотворных сборников «Полет»,

«Озерные песни», «Запах росы», «Заонежье мое» и др.

С 1971 г. – член Союза писателей России.

Кавалер ордена Дружбы.

